

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.20>

Иваноков Нурби Рашидович, Бижоев Борис Чамалович

НОВЫЕ АДЫГСКИЕ (ЧЕРКЕССКИЕ) ЭТИМОЛОГИИ

В статье подвергнуты историко-этимологическому анализу целый ряд "непрозрачных" лексических единиц адыгских (черкесских) языков. Значительная часть из них относится к архаизмам и историзмам, однако немало также активно употребляемых в современном языке слов из различных отраслей. Большинство приведенных слов этимологизируются впервые, те же, которые рассматривались ранее, в статье получили новые версии их происхождения и развития. При этом авторы, за неимением старых письменных документов и в связи с ограниченностью возможности привлечь данные родственных языков, в основном пользовались методом внутренней реконструкции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 1. С. 97-102. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. Dupriez B. A Dictionary of Literary Devices: Gradus, A-Z. Toronto: University of Toronto Press, 1991. 549 p.
17. Eco U. Pierce and Contemporary Semantics // Versus. 1975. № 15. P. 49-72.
18. Fauconnier G. Mental Spaces [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cogsci.ucsd.edu/~faucon/BEIJING/mentalspaces.pdf> (дата обращения: 11.06.2018).
19. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration and Formal Expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. 1995. № 10 (3). P. 183-204.
20. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N. Y.: Basic Books, 2002. 464 p.
21. Hall R. A. The Transferred Epithet // Wodehouse P. G. Linguistic Inquiry. 1973. Vol. IV. № 1. P. 92-94.
22. Literary Devices [Электронный ресурс]. URL: <https://literarydevices.net/metonymy/> (дата обращения: 08.06.2018).
23. Lockhart E. We Were Liars. N. Y.: Delacorte Press, 2014. 227 p.
24. Maugham W. S. The Moon and Sixpence. L.: Penguin Classics, 2005. 204 p.
25. Merriam-Webster Dictionary. Anxious [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/anxious> (дата обращения: 13.06.2018).
26. Merriam-Webster Dictionary. Howl [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/howl> (дата обращения: 14.06.2018).
27. Merriam-Webster Dictionary. Tremble [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/tremble> (дата обращения: 14.06.2018).
28. Moriarty L. The Husband's Secret. U. K.: Penguin Books, 2013. 421 p.
29. Munro A. Face [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2008/09/08/face> (дата обращения: 04.02.2018).
30. Oliver L. Before I Fall. N. Y.: HarperCollins, 2010. 484 p.
31. Robinson O. The Impact of Anxiety upon Cognition: Perspectives from Human Threat of Shock Studies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3656338/> (дата обращения: 11.06.2018).

ЭНАЛЛАГА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ)

Жгун Дарья Александровна

*Католический университет Тэгу, Южная Корея
daria_1610@mail.ru*

Окендо Альфредо

*Колледж Йонджин, г. Тэгу, Южная Корея
alfredo.oquendo.jr@gmail.com*

В статье раскрывается специфика выражения эмоциональных состояний с помощью эналлагы, или конструкции со смещенным членом предложения. Эналлага представляет собой результат отклонения от традиционного способа формирования словосочетания, которое приводит к выполнению членом предложения вторичной семантической функции. Новизна работы заключается в том, что эналлага исследуется как дискурсивно-когнитивный конструкт, отражающий особенности авторского мировосприятия. Кроме того, эналлага рассматривается как экспрессивный прием, который создает новые смыслы и дополнительные обертоны без увеличения фразового объема. Построение эналлагы основано на процессе концептуальной интеграции и формирования ментальных пространств.

Ключевые слова и фразы: эмоция; смещение; метонимия; эналлага; ментальное пространство; бленд.

УДК 811.352.3'373.6

Дата поступления рукописи: 12.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.20>

В статье подвергнуты историко-этимологическому анализу целый ряд «непрозрачных» лексических единиц адыгских (черкесских) языков. Значительная часть из них относится к архаизмам и историзмам, однако немало также активно употребляемых в современном языке слов из различных отраслей. Большинство приведенных слов этимологизируются впервые, те же, которые рассматривались ранее, в статье получили новые версии их происхождения и развития. При этом авторы, за неимением старых письменных документов и в связи с ограниченностью возможности привлечь данные родственных языков, в основном пользовались методом внутренней реконструкции.

Ключевые слова и фразы: адыгейский язык; кабардино-черкесский язык; общеадыгский язык; форма; морфема; значение; структура; семантика; словообразование; новообразование; этимология.

Иванов Нурби Рашидович, к. филол. н., доцент

Бижоев Борис Чамалович, д. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук, г. Нальчик
kbigi@mail.ru*

НОВЫЕ АДЫГСКИЕ (ЧЕРКЕССКИЕ) ЭТИМОЛОГИИ

Одной из актуальных проблем современного кабардино-черкесского (адыгского) языкознания является актуализация исследования по этимологии, создание специальных словарей, объясняющих происхождение слов,

определяющих их родственные отношения с другими языками. Изучение любого языка, по мнению Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова, невозможно без привлечения данных, добытых этимологией [4, с. 3]. К ней обращаются в разделах лексикологии, фразеологии, словообразования, морфологии, орфографии, в методике преподавания языка. Как известно, этимологи в своих изысканиях опираются больше всего на древние письменные источники и данные родственных языков. Для адыгских же языков это составляет определенные трудности ввиду отсутствия длительной письменности, с одной стороны, и малочисленности абхазо-адыгской группы кавказских языков – с другой. На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что с момента выхода первого этимологического словаря адыгских (черкесских) языков А. К. Шагирова в 1977 году [11; 12] никто из адыгovedов всерьез не занимался данной проблемой. В результате этимология как одно из важнейших лингвистических направлений адыгovedения за последние десятилетия фактически оказалась в забвении. В связи с вышесказанным ее возрождение для адыгских языков представляется нам актуальным. Настоящая статья, наряду с ранее опубликованными работами, образует цикл исследований, посвященных данной проблеме [3-5].

Целью работы является этимологический анализ слов, история происхождения которых до настоящего времени в специальной литературе не исследовалась, несмотря на то, что они представляют тот пласт лексики, освещение которого актуально не только для языкознания, но и для истории, этнографии, фольклористики и т.д. Научная новизна данного труда заключается в отличном от традиционного подхода этимологическом анализе подобранных слов; предлагаются оригинальные приемы и методы исследования, компенсирующие в той или иной степени отсутствие по адыгским языкам главных «инструментов» этимолога – древних письменных источников и значительного числа родственных языков.

Предлагаемые слова можно разделить на общеупотребительные и историзмы. К первой группе относятся следующие слова.

Бамэ каб. «вонь». Во второй части общеадыгское *мэ* «запах». Первую часть А. К. Шагиров сближает с абх.-абаз. *а-баа/бэла* «гнилой», «гниль», привлекая при этом адыг. *шъуым(э)* «запах гнили» [10, с. 262].

Форма *бамэ* имеется и в адыгейском языке и значит, как и в кабардинском языке, «вонь», буквально «букет неприятных запахов». Субъекта *вони* «бамэ» адыгейцы называют словом *бэмэжъ* «старая вонь». Состоит форма, о которой идет речь, из двух корневых морфем – *бэ* «много» и *мэ* «запах» и значит «совокупность, букет неприятных запахов». Толкование адыгейской формы *бамэ* «вонь» через абх.-абаз. форму *а-баа/бэла* «гнилой», «гниль» как «запах гнили» не может считаться адекватным толкованием формы *бамэ* «вонь». Точно так же адыгейское *шъуымэ* «запах гнили» не то же самое, что *бамэ* «вонь».

Бацэ/пацэ «шерсть, которую весной сбрасывает овца», «овечья шерсть весеннего настрига». Форма *пацэ* «шерсть» состоит из *па-* в значении «предмет» и *цэ* со значением «шерсть», и форма *пацэ* в целом значит «шерсть», буквально «предмет шерсть» и обозначает понятие «шерсть». Формы с *ы* после *ц-* обозначают конкретные проявления формы *цэ* «шерсть», ср. *шъхъацы* «волосяной покров на голове человека», *шыцы* «конский волос». Данное соотношение «понятие – конкретные проявления понятия» – только одно из множества соотношений между подобными формами. Так, например, между формами *кхуэн* «идти» и *кхуын* «пройти» другие отношения. Вопрос о таких образованиях, насколько нам известно, пока не рассматривался. Что до *ба-пацэ*, то такая форма не результат каких-то изменений в форме адыгейского *пацэ*. Форма *пацэ* освоена кабардинским языком как *бацэ*: *б* в кабардинской форме *бацэ* восходит к *б* в адыгейской форме *бырацэ*, функционирующей наряду с формой *пырацэ* с тем же значением, что у *бырацэ* «лохматый», «шерстистый». Словом, когда появилась возможность выбора между согласными *б* и *п*, кабардинский язык выбрал звук *б*, придыхательно-му *п* в кабардинском никогда не соответствует преруптив. В определенном смысле сработала в данном случае и фонетическая система кабардинского языка, настроенная по своей природе к озвончению попадающих в него форм. Таким образом, *пацэ* значит «шерсть». Этим словом обычно называется овечья шерсть весеннего настрига. Осенняя шерсть называется словом *цыбзэ* и обозначает разреженную шерсть, буквально «состоящая из отдельных ворсинок», ср. *нэбзыцэ* «ресницы». Существует и другое толкование формы *бацэ/пацэ*, согласно которому первая часть слова *пэ* привязывается к слову *пэ* «нос» в значении «первый» [11, с. 169].

Кавказ. Исходный вид анализируемой формы звучит в виде *Ккъауыккъаз*. Форма сложная: первая часть этого образования *ккъауы* состоит из корневой морфемы *ккъа* со значением «твердый» (для *ккъа* «твердый» см. форму *ккъайэ* «твердый», ср. *йэтлэ ккъай(э)* «глина твердая») и суффикса *уы* со значением «признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим словом» (для значения *уы* ср. *шъуэуы* «мед» (каб. *фо*), буквально «запечатанный продукт», *пкклай(ы)* «кузнечик», букв. «скачущий»), и форма *ккъауы* в целом значит «твердый», метафорически – «порода», «минерал, обладающий более или менее постоянным составом и являющийся составной частью земной коры» [8, с. 579]. Вторая часть формы *Ккъауыккъаз* *ккъаз* состоит из того же *ккъа*, что в *ккъауы*, и значит то же, и суффикса *з* со значением «предмет, характеризующийся тем, что названо производящим», и *ккъаз* в целом значит «твердь». Форма *Ккъауыккъаз* в целом значит «твердь», сложившаяся из пород».

Лпаккъуэ адыг. «род», «фамилия» – для кабардинского см. *лэпккэ/лэпккэ*; а *лпаккъуэ* в том же значении встречается здесь в словосложении, см. *лэпккэ/лэпккэ/лэпккэ/лэпккэ* (адыгейская форма у А. К. Шагирова *лэпккэ/лэпккэ*) [11, с. 256].

Как будто бы из *лы* «мужчина», «муж» и *ккэуэ* (*ккэлуэ*) «сын» [12, т. 2, с. 138]. Ср. абх. *абипара* «поколение», букв. «отец (*аб*) его (*и-йы-*) сыновья (*а-па-+ра*)». Слово проникло в убыхский язык, ср. убых. *лпаккъуэ* «род», «фамилия» [14, р. 144; 15]. Ср. выражение *уыллымэ уылпаккъуэ* со значением «раз ты мужчина, то ты *род*», в котором имеется в виду реалья – «мужчина создает род и нарекает его именем». С участием *лэ* «мужчина», «муж» образованы также формы *лэуэжэ/лэуэжэ* «потомок», буквально «мужчины, мужа след», адыг. *лэуилэгэуэ* «век мужчины» и др.

Мазэ «луна»; «месяц». Существует несколько толкований слова *мазэ* типа «родственно абх. *а-мза*, абаз. *мзы*, убых. *мыдзэ* “луна”; “месяц”» или: «Адыгскую форму Трубецкой сопоставил с дагестанскими формами со значением “луна”; “месяц” и др.» [11, с. 258]. Однако что значит адыгская форма *мазэ*, какова ее внутренняя форма, как не были известны, так и остались неизвестными, так как такими путями анализа, которые названы выше, невозможно установить этимологическое значение форм.

Форма *мазэ* «луна» состоит из словообразовательного префикса *ма-* со значением «предмет» и корневой морфемы *зэ-* (от глагола *зэн* «двигаться») со значением «движение», и форма *мазэ* в целом значит «предмет движущийся» (*зэрэ пккыгъу*), просто – «движущийся» (*зэрэр*), ср., например, движения и изменения на лицевой стороне луны и движение самой луны в пространстве. Таким образом, адыгское *мазэ* является образованием с собственными составляющими и с собственным значением, которое отражает внутренние процессы, происходящие в самой луне.

Пищыпэ «шалаш», в кабардинском *пишыпэ*. Основа *пишы* состоит из морфем *п* со значением «субъект», «носитель признака, действия» и *шы* со значением «находиться где-то», ср. *Москва шыпы* «находится в Москве», и форма *пишыпэ* в целом значит «находиться», «пробыть где-то», ср. однокоренные с *шы* образования: *ччышырытышы ихын* «пробыть где-то ночь», *бэху апишы* «да разводить тебе много, пребывающий (в мире)». Форма *пишыпэ* значит «пробыть/пребывать (где-то)». Вся форма *пищыпэ* < *пищыпэ* «шалаш» значит «полое (значение *луэ*) для пребывания». Существуют и другие мнения [12, т. 1, с. 37].

Пишыпэ каб. «шалаш» – в адыгейском *пишылуэ*. Не должно быть сомнений в том, что форма *пишыпэ* (адыгейская форма *пишылуэ*) – форма общеадыгская. Звучание в кабардинском языке адыгейской формы *пишылуэ* в виде *пишыпэ* связано с тем, что в кабардинском языке редко когда сохраняется заимствованный адыгейский звук *луэ*, он заменяется звуком *пэ*, что произошло и здесь. Форма *пишылуэ/пишыпэ* в целом значила «полое для пребывания» и обозначала здание, куда съезжались адыгские витязи «зеклуэлэ» на месяцы для совершения *зеклуэ* «походов». Другого значения, чем то, которое имеет *пишылуэ*, не может быть у формы *пишыпэ*, поскольку она только фонетический вариант формы *пишылуэ*.

Пыпэ/палуэ «шапка» в хакучинском говоре шапсугского диалекта адыгейского языка – *паклуэ*. Ю. Мессарош, давая сравнительный материал к убыхскому *бэклы* «шапка кавказского типа», кроме адыгского слова и сванского *рагв* «шапка» привлекает еще крызское (джекское) *бакей* «шапка» [13; 14, р. 229]. Согласно В. И. Абаеву, то, что близкие по звучанию слова со значением «головной убор» находим в самых различных языках от Чукотки до Памира и Кавказа, может свидетельствовать о звуко-символической природе соответствующих единиц. Как звуко-символическое (звукоизобразительное) В. И. Абаев разъясняет, в частности, осетинское *паклу/паклу* «оперение», «перья», «пух», под которым он и ссылается в своем словаре на вышеуказанный материал, учитывая при этом и другое осетинское слово – *пак*, *бака* «развесистый», «широкий» (*пак худ* «широкая шляпа»); у последнего тоже автор предполагает звукоизобразительное происхождение [1, с. 236]. Адыгское *пыпэ/палуэ* не производит впечатления звуко-символического слова. Согласно А. Г. Преображенскому, здесь старое заимствование с не найденным пока источником. Он считает излишним отметить славянское *капа* «шапка», лакское *кьяпа*, даргинское *кьяпа* с тем же значением [6]. Допустима метатеза, но в этом случае остается необъясненной лабиализация увулярного (*кьлу* вместо *кьл*) в исходной форме адыгских языков. Мы придерживаемся мнения, что форма *палуэ* «шапка» состоит из *па* со значением «предмет» и корневой морфемы *луэ* со значением «полюй», и форма *палуэ* в целом значит «полюй предмет», «полое образование» для головы. Существует и другое мнение, согласно которому форма *палуэ* «шапка» состоит из морфемы *па* со значением «охранять» и морфемы *луэ* со значением «полюй», и форма *палуэ* в целом значит «полое для охраны». Для значения *па* «охранять» в форме *палуэ* ср. формы *пэт*, *пэс* в предложениях *мэлымэ апэт* «отару охраняет», *хаттэм пэс* «огород охраняет». На наш взгляд, это (второе) толкование не может быть принято, так как элемент значения «охранять» незримо присутствует в форме *луэ* «полюй»: шапка надевается именно для того, чтобы охранять и защищать голову. Таким образом, форма *палуэ*, состоящая из названных составляющих, в целом значит «предмет полюй» и обозначает мужской головной убор, защищающий и охраняющий голову, иначе – «помещение для головы». *луэ* в значении «полюй» выступает в формах *бжэлуэ* «пасека», состоящей из *бжэ* «пчела» и *луэ* «полюй», обозначающей в целом «полое для пчел», иначе «помещение для пчел», *шалуэ* (кабардинское *шылуэ*), состоящей из *шы* «конь» и *луэ* «полюй» и в целом значащей «полое для коней», иначе – «помещение для коней», в корне *луэ* формы *луашыхъ* «курган», «полое помещение», корне *луэ* формы *пI-луэ*, в которой *пI-* выступает в качестве «субъекта», «носителя признака», выраженного корнем *луэ* «полюй», а форма *пI-луэ* в целом значит «полое», иначе – «помещение», буквально «предмет полюй» (имеется в виду углубление в самой кровати, постели).

Фоу/шгуэуы «мед». А. К. Шагиров, не выдвигая свою версию о происхождении данного слова, ограничивается перечислением различных высказываний по этому поводу [12, т. 1, с. 100]. По первой части *фоу/шгуэуы* А. И. Абдоков связывает адыгское слово с абх.-абаз. «мед» [2, с. 71].

На наш взгляд, адыгейская форма *шгуэуы* состоит из корневой морфемы *шгуэ* «кожа» и суффикса *уы* со словообразовательным значением «признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим словом», и форма *шгуэуы* в целом значит «кожаный», «шгуэ зытешлахыгъ», «зытегъэччыхыгъ». Для значения суффикса *уы* ср. форму *шыуы* «всадник», состоящую из *шы* «конь» и суффикса *уы* с указанным значением, которая значит «конный», форму *пIкIау(ы)* «стрекоза», состоящую из *пIкIэн* «скакать» и суффикса *уы* с указанным значением, которая значит «скачущий», форму *гъуэуы* «глашатай» и др.

Шлакьэ/члакьэ «бурка (одежда)». Исходя из того, что бурка служит подстилкой в походно-полевых условиях, А. К. Шагиров усматривает в данном слове части *цлэ* «дно» и *кьлэ* «идуший», т.е. «идуший на подстилку» [12, т. 1, с. 150]. Мы же пришли к выводу, что форма *шьлакьэ/члакьэ* (далее – *члакьэ*) состоит из корневой морфемы *чла-* со значением «войлок» и суффикса *-кьлэ* со значением «предмет», и форма *члакьэ* в целом значит «предмет из войлока» или «войлочный» в субстантивном значении, иначе – «бурка». В значении «войлок» *члэ* выступает также в форме *уьнлхьлэ/уьнлклэ* «войлок», состоящей из *уь* «который», *нл* «субъект, носитель признака» и *члэ* «сам предмет», «признак», и форма *уьнлчлэ* в целом означает «которая есть, является войлочным», иначе просто – «войлочная». Так буквально называется *члакьэ* «бурка».

Іэ. Форма *Іэ* в адыгских языках значит «крупный рогатый скот», «скот», буквально *существо*. Однако в названном значении форма *Іэ* самостоятельно не функционирует в современных адыгских языках. Указанное выше значение формы *Іэ* «крупный рогатый скот», «скот» реализуется в слове *Іэшш*, которое выступает в двух значениях – «загон для крупного рогатого скота», буквально «место, помещение для крупного рогатого скота», и название самого скота.

Іазэ/Іэзэ «лекарь». Форма *Іазэ* состоит из *Іэ* «здоровье», «здоровый» (для *Іэ* «здоровый» см. *мыІэ-мыІ* «не здоровый, не мертвый») и *зэ* «предмет», и *Іазэ*, состоящая из названных морфем, в целом значит «предмет (человек) здоровья».

Іакьлэ/Іакьлэ. В адыгейском языке существуют два разных слова *Іакьлэ*. Первое *Іакьлэ* (*Іакьлээр, Іакьлэхэр*) значит «сильный, послушный, -ая, -ое». *ЗыкІэшъІагьэр дэгъуэу зыцэрэр ары* «который хорошо тянет, движет то, во что впряжен». Состоит эта адыгейская форма *Іакьлэ* из *Іа-* «двигать», «тянуть» (ср. *йІэн* «двигать», «тянуть») и суффикса *кьлэ(э)* со словообразовательным значением «предмет, характеризующийся тем, что названо производящим словом», и форма *Іакьлэ* в целом значит «сильный», «мощный» (ср. *шиакьлэ* «охотник»). Производное от нее слово *Іакьлэлакьлэ* значит «с мастерством», «умелый», «искусный», «ловкий», «кто с ловкими, умелыми руками». В этом значении употребляется в адыгейском языке также форма *Іакьлэ*, ср. *кІэлэ Іакьлэ* «юноша с ловкими, умелыми руками» и в кабардинском, ср. *хуэІэкьлэу шьынэр зІихац* «искусно разделал ягненка». Соответствующие адыгейским кабардинские формы представлены в целом тождественно адыгейским структурно и семантически. Так, первое из приведенных выше слов *Іакьлэ* в кабардинском также восходит к *йІэн* со значением «дернуть, потянуть кого- что-л.» (*зыгуэрым йэкьуьн*) и значит «хороший», «отменный», ср. *шууей Іэкьлэ* «отменный всадник» [7, с. 828].

Іакьлэ «сильный»/«хороший» не может значить «к руке идущий», как часто его трактуют, потому что в *Іакьлэ* *Іэ* значит не «рука», а «тянуть» (*йІэн*), а *кьлэ* – суффикс со словообразовательным значением «предмет, характеризующийся тем, что названо производящим словом», и форма *Іакьлэ* в целом значит «тянущий», «движущий», буквально «предмет тянущий, движущий».

Второе слово *Іэкьлэлакьлэ* значит то же, что значит адыгейское *Іэкьлэлакьлэ*: «умелый», «искусный», «ловкий» [Там же].

Іэф/ІэшъІуы «сладкий», «вкусный». Форма *Іэф/ІэшъІуы* состоит из *Іэ* «еда» и *фІы/шьІуы* «сладкий», «вкусный». В значении «еда» *Іэ-* выступает в слове *Іанэ*, состоящем из *Іэ* «еда» и суффикса *нэ* со значением «предмет» и значащем «предмет для продуктов еды», ср. *Іанэ 1* адыгейский стол (на трех ножках). *Іанэм шхьнхэр тыралъхэ* «на анэ кладут еду». Форма *Іанэ* в целом значит «предмет для еды как таковой»; 2) «еда». *Бысымуацэм Іанэу кьаригъэхьыгъэм зы ІанэкІэ зи кьыфэтыгъэн*. «Стол, присланный хозяйкой, был безукоризненным» [9, с. 501]. В значении «еда» выступает морфема *Іэ* в форме при обращении к маленьким детям *Іам шьІы* «ешь», ср. образование аналогичной модели *ттый шьІы* «делай движения», морфема *Іэ* в форме *Іанлэ* «деревянное корыто для теста». См. еще *гуэІэ-шьІуаІ* «еда из внутренностей». Форма *ІэшъІуы*, состоящая из названных морфем, в целом значит «еда вкусная», «приятная».

К значению **Іуэ** «полый». *Іуэ* обозначает понятие «полый», однокоренные формы с гласным *ы* после *Іу* – конкретные проявления этого понятия, ср. *Іуы* «отверстие», *Іуы* «рот», «ротовая полость», *Іуыб* в форме *псыІуыб* «глоток воды», *Іуыбгуэ* «широкая горловина» и др.

Ко второй группе относятся следующие слова.

Лэкькьуэлъэшш/Лэкькьуэлъэшш «высшее дворянское сословие, а также лицо, принадлежащее к этому сословию», в адыгейском приводят и форму *лэкькьулэши* [11, с. 256].

Как видно из сказанного, форма *лэкькьуэлэши* в адыгских языках выступает в двух разновидностях – в виде *лэкькьуэлэши* (в кабардинском языке) и в виде *лэкькьуэлъэшш* (в адыгейском языке). До недавнего времени существовала одна форма *лэкькьуэлэши* для обоих языков. Но в форме *лэкькьуэлэши* адыгейские лексикографы, вероятно, будучи уверены в том, что делают доброе дело, избавились от части *лэши*, которая, как им показалось, ничего не значит, и заменили ее формой *лъэшш* «сильный», но в результате получили не *лэкькьуэлъэшш*, а *лэкькьуэ лъэшш*, т.е. обычное свободное словосочетание, а не номинативную единицу. Нет никакой разницы в структурно-семантическом плане между такими формами, как *лэкькьуэ лъэшш* «сильный род», *лэкькьуэ дэгъу* «хороший род» и т.д., все они свободные словосочетания и обозначают единое, но расчлененное понятие. Модно стало в последнее время убирать из языка древние формы, которые кому-л. показались не внушающими доверия, хотя очень трудно назвать хоть одно новообразование, отличающееся большим совершенством, чем веками в языке работавшая форма. Мы сами плохо представляем себе, какой вред мы несем с собой в наш язык, в историю его изучения, «совершенствуя» его таким путем, путем ликвидации древних форм из языка и замены их новообразованиями. Ср., например, древнюю адыгскую форму *еджэгъэшху* «большой ученый» и заменившее ее новообразование *шІэныгъэлэжь* букв. «делающий науку».

Форма *лэккьулэши* – сложное слово. Первая его часть *лэккьу* значит «род». Вторая часть *лэши* состоит из *лэ* «мужчина», «муж» и *ши(ы)* «убранный» (ср. *шыгыэ* «убран»), и форма *лэши* в целом значит «муж убранный нравственно», «муж благородный», ср. адыгейское *члэккьабз* «благородный юноша», буквально «чистый юноша». Вся форма *лэккьулэши* в целом значит «род мужчины, мужа убранного, благородного».

Фэккьул/лэхуыккьул/лэхуыккьуэцо. Адыгейская форма *фэккьул* обозначает сословие «свободный крестьянин» [9, с. 440]. В отличие от адыгейского, в кабардинском *свободный крестьянин* назывался двумя именами – *лэхукьул* и *лэхукьуэцо*, которые отражали степень зависимости *свободного крестьянина* от князя и дворянина. Более зависимый *свободный крестьянин* назывался словом *лэхукьул*, почти независимый – словом *лэхукьуэцо*.

Значение формы *фэккьул* в целом – «факкьурэр, фызэшлукьырэр зышлэрэл» «муж, занимающийся тем, с чем может справиться», в перспективе в результате жизненного опыта, самосовершенствования и т.д. – «управляющий имением», «староста поселения», «дворянин» и т.д. Нацеленность на отмеченную перспективу заключена в самом значении формы *фэккьул*.

Адыгейская форма *фэккьул* состоит из морфем *фэ* со значением «мочь» (для значения *фэ* «мочь» ср. *фэ* в форме *зэрэфэлэкьулэу йэлэжжыуэ* «кто-л. занимается каким-то делом насколько можно, серьезно»), *йэккьуэ(н)* со значением *йэлэжжыуэ* «заниматься чем-то» (не *йэккьуын* «тянуть») и морфемы *лы* «муж», «мужчина», и форма *фэккьул* «свободный крестьянин» в целом значит буквально «муж, занимающийся тем, что может», точнее «муж, занимающийся тем, на что его хватает». *Фэккьул*, таким образом, та же самая шахматная пешка, которая, «развиваясь и совершенствуясь», может стать шахматным ферзем.

Что касается кабардинских форм *лэхукьул* и *лэхукьуэцо*, мы считаем, что они не имеют никакого отношения к значению адыгейской формы *фэккьул*.

Уэрккь «кузень». Форма *уэрккь* – сложное слово. Первая часть представлена корневой морфемой *уэ* со значением «воин», вторая часть *рккь* состоит из префиксальной морфемы *р* со значением «субъект действия» и корневой морфемы *ккь* со значением «твердь», «идея тверди», и вторая часть формы *уэрккь* – *рккьы* значит «твердый». Вся форма *уэрккь*, состоящая из названных морфем, в целом значит «воин непоколебимый», буквально «воин твердый». *Уэрккь*, таким образом, сословие, которое было призвано защищать свою страну и ее жителей от посягательств извне ценой, если надо, собственной жизни, что удавалось им на самом высоком уровне. Доказательство тому – вся история адыгов и уважение до сих дней к остаткам этого сословия благодарных потомков. См. слова народной песни, обращенные к этим воинам: *шыахауэба, хауэр зыхабз, шыахауэба уэрккьым ккьылыфыгь* «сражайтесь, войны, битва чья культура, сражайтесь, женщиной *уорк* рожденные».

Пшьыл/пшьылы «крепостной крестьянин» Это сословие было представлено у адыгейцев тремя группами: 1) выполнявшие полевые работы в княжеских владениях назывались словом *пшьылы*, буквально «люди князя»; 2) выполнявшие различного вида работы по дому назывались словами *уынэуыт* «находящиеся при доме»; 3) выполнявшие работы по уходу за мелким и крупным рогатым скотом, обеспечивавшие дом князя отоплением, водой и т.п., назывались словом *лэу* «двор», т.е. «дворовые». Слово состоит из двух частей: *пшьы/пшьы* «князь» и *лы(ы)* «мужчина», «человек», букв. «мужчина (человек), принадлежащий князю».

Проведенный анализ выбранных слов свидетельствует о том, насколько большие возможности имеются в лингвистическом адыговедении для дальнейших изысканий в области этимологии. Одной из них является потенциал самого языка, и прежде всего данные диалектов и говоров, которые до настоящего времени запущены в научный оборот не на нужном уровне. К внешним источникам, по убеждению авторов, этимолог должен прибегать только после того, как возможности внутренней реконструкции исчерпаны, но их оказалось недостаточно для убедительных результатов.

Сокращения

Абаз. – абазинский язык
Абх. – абхазский язык

Адыг. – адыгейский язык
Каб. – кабардинский (кабардино-черкесский) язык

Список источников

1. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. Л.: Наука, 1973. Т. 2. L-R. 449 с.
2. **Абдоков А. И.** Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 81 с.
3. **Бижоев Б. Ч., Иваноков Н. Р.** Адыгские (черкесские) этимологии // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 1 (28). С. 56-61.
4. **Введенская Л. А., Колесников Н. П.** Этимология и ее виды. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1986. 96 с.
5. **Иваноков Н. Р., Бижоев Б. Ч.** Адыгские (черкесские) этимологические этюды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 2. С. 100-103.
6. **Иваноков Н. Р., Бижоев Б. Ч.** Из истории адыгских (черкесских) слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). Ч. 2. С. 98-101.
7. **Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1284 с.
8. **Словарь кабардино-черкесского языка.** М.: Дигора, 1999. 852 с.

9. **Современный толковый словарь русского языка:** 90 000 слов и фразеологических выражений. СПб.: Норинт, 2002. 950 с.
10. **Толковый словарь адыгейского языка.** Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2006. 512 с.
11. **Шагиров А. К.** Основные вопросы синхронного и сравнительно-исторического анализа лексем адыгских языков: дисс. ... д. филол. н. М., 1971. 481 с.
12. **Шагиров А. К.** Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. 1. А-Н. 290 с.; Т. 2. П-І. 224 с.
13. **Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А.** Грамматика адыгейского литературного языка. М. – Л.: АН СССР, 1941. 464 с.
14. **Messaross J.** Die päkhy-shprache. Chicago: The University of Chicago Press, 1934. 402 p.
15. **Vogt H.** Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo: Universitetsforlaget, 1963. 264 p.

NEW ADYGHE (CIRCASSIAN) ETYMOLOGY

Ivanokov Nurbi Rashidovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Bizhiov Boris Chamalovich, Doctor in Philology

Institute for the Humanities Research of the Kabardian-Balkarian Scientific Center

of the Russian Academy of Sciences, Nalchik

kbigi@mail.ru

The article deals with the historical and etymological analysis of a number of “unclear” lexical units of the Adyghe (Circassian) languages. A significant part of them belongs to archaisms and historicisms, but there are also a lot of words from various spheres actively used in the modern language. Most of these words are etymologized for the first time. The ones that have been considered earlier receive new versions of their origin and development in the paper. At the same time, the authors use mainly the method of internal reconstruction in the absence of old written documents and due to the limited possibility to attract the data of the related languages.

Key words and phrases: Adyghe language; Kabardian-Circassian language; common Adyghe language; form; morpheme; meaning; structure; semantics; word formation; new formation; etymology.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 08.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.21>

Статья посвящена Буковнице Герасима Ворбозомского 1592 г. (РГБ, ф. 173.1, № 35, л. 130-235) – грамматическому словарю, в котором обобщен, переосмыслен и приложен к конкретному языковому материалу опыт предшествующих описаний церковнославянского языка. Проведенное исследование принципов отбора языкового материала, особенностей его организации и систематизации, способов грамматической семантизации показало, что Буковница является памятником переходного периода от традиционного текстологического подхода к книжному языку к его аналитическому осмыслению и грамматической кодификации.

Ключевые слова и фразы: Буковница 1592 г.; славянская грамматическая традиция; история русского литературного языка; церковнославянский язык; грамматическая норма; текстологический подход; грамматический подход.

Инь Сюй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

andreyin2014@yandex.ru

БУКОВНИЦА 1592 Г. КАК ОСОБЫЙ ТИП ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В XVI – начале XVII в. на славянской почве зарождается аналитическая грамматическая кодификация церковнославянского языка путем систематизации языковых элементов и правил их выбора. Возможность проследить процесс развития грамматического подхода к книжному языку в языковом сознании, сформировавшемся в рамках традиционного подхода и еще не оторвавшимся от образцовых текстов, предоставляет Буковница 1592 г. из собрания Московской духовной академии [2], предположительно атрибутируемая Б. А. Успенским Герасиму, старцу Благовещенского монастыря на озере Ворбозом [10, с. 303]. Буковница 1592 г. представляет собой особый тип грамматического описания, который может быть условно определен как «грамматический (словоизменятельный) словарь» [1, с. 69] или «словарь трудностей церковнославянского языка» [9, с. 40], направленный на предупреждение типичных ошибок в языковой практике.

Актуальность исследования определяется самим статусом избранного объекта исследования, поскольку грамматические сочинения являются ключевыми источниками истории языка, позволяющими одновременно изучать и литературный язык эпохи, и ее языковые представления. Однако следует признать, что этот ценный памятник грамматической мысли долго оставался за пределами внимания исследователей и был лишь частично изучен в фонетическом и словообразовательном аспектах [1; 4]. *Цель работы* заключается в реконструкции